

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Г. И. Анохин

ПОЧЕМУ У ИСЛАНДЦЕВ НЕТ ФАМИЛИЙ?

Примерно на полпути между Европой и Северной Америкой, точно на границе Атлантического и Северного Ледовитого океанов, на покрытом лавовыми полями и ледниками острове Исландия живет народ европейского происхождения — исландцы.

Это особенный народ, ибо в отличие от большинства других народов Земли исландцы знают не только точную датировку заселения страны, не только происхождение своего народа, не только почти всех его исторически достоверных родоначальников, но и, что не менее удивительно, родословную всех 29 поколений с момента колонизации Исландии норманнами в эпоху викингов и вплоть до наших дней.

Есть у этого народа и еще одна особенность, наследие раннего средневековья. Она состоит в том, что у исландцев не существует фамилий!

Когда ваш знакомый говорит: «Как же, я читал Гуннара Бенедиктссона. Книга этого исландского писателя «Исландия в борьбе за независимость» переведена на русский язык. Всем известна его фамилия», — остановите его. Ибо никто не знает фамилии Гуннара Бенедиктссона! Как и каждый исландец, этот писатель имеет только имя и отчество. Его второе личное имя — Бенедиктссон — означает, что он, Гуннар, — сын Бенедикта, но не фамилию, т. е. не личное имя для обозначения всего рода Гуннара или хотя бы для обозначения всей его семьи. Если переделать его личное имя на русский манер, то оно выглядело бы так: Гуннар Бенедиктович, а на древнерусский — Гуннар, сын Бенедикта.

Конечно, переводчики, даже знающие специфику личных имен исландцев, не отражают ее в переводе, стремясь лишь фонетически правильно транскрибировать полные написания имен. Некоторые же переводчики не подозревают об этой специфике, и тогда возникают нелепости, о которых советский специалист по исландскому языку В. П. Берков писал следующее: «Неправильно, как это нередко делается и у нас, и в других странах, заменять имя исландца инициалом (например, Э. Йоунссон): это примерно то же, как если бы мы написали по-русски «И. Владимирович Павлов» или просто „И. Владимирович“»¹.

Как и полагается отчеству, оно отражает у исландцев то, что данный человек — сын или дочь такого-то, и разную принадлежность по полу. Например, сын называется Аудни Стефаунссон (Аудни, сын Стефауна, или же Аудни Стефаунович), а дочь — Сигридюр Стефаунсдоуттир (Сигридюрь, дочь Стефауна, или же Сигридюрь Стефауновна).

¹ В. Берков, Исландия — без гейзеров, «Новый мир», 1968, № 1, стр. 205.

Наличие двучленной системы имен у современных исландцев — имени и отчества — настолько бросается в глаза иностранцам, попадающим на остров, что все они отмечают этот факт. О том, как это выглядит в быту, рассказывает советский писатель Геннадий Фиш: «Желая позвонить Магнусу, сказать, что давно уже проснулся и готов к походу, я взял в руки телефонную книгу и, раскрыв, ее, с удивлением убедился, что алфавитный порядок — по именам, а затем уже следует фамилия, то есть отчество! У нас бы это выглядело так:

Иван сын Александра,

Иван сын Бориса,

Иван сын Василия,

Иван сын Георгия,

Иван сын Дмитрия и т. д., и т. д.

И так вся книга. Конечно, родовое общество не предвидело появления телефонов, а тем более телефонных книг.

К счастью, я знал, что Магнус — Йоунссон, и поэтому разыскал в книге имя Йоун... Но чьим сыном был отец Магнуса, тогда мне было еще неизвестно... а Йоунов в книге числилось немало...»²

Чем же объяснить, что в современном обществе вовсе не у отсталого, а у одного из самых культурных народов вот уже много столетий почти поголовно грамотного, уцелела форма личных имен из имени и отчества и не появилось фамилии?

Известный советский скандинавист М. И. Стеблин-Каменский утверждает, что причина этого кроется в малочисленности исландского народа: «Исландцев настолько мало, что они до сих пор обходятся без фамилий и даже в самом официальном обращении называют друг друга по имени, в третьем лице — для точности также с прибавлением имени отца, вроде как бы по имени-отчеству»³.

Действительно, исландцев мало — на 1 декабря 1968 г. их было только 210 975 человек⁴. Однако фарерцев — также отдельного народа со своим языком, культурой, традициями, письменностью, литературой — еще меньше, всего 38 тысяч. И тем не менее подобно прочим скандинавским, да и всем германским народам, за исключением исландцев, у фарерцев уже в средневековые установилась четкая система наследственного на несколько поколений семейного имени, т. е. фамилии. Следовательно, малочисленность народа сама по себе не объясняет отсутствия фамилии.

На мой взгляд, причина отсутствия фамилии у исландцев кроется в специфике их историко-культурного развития.

Заселение норманнами в IX в. островов Северной Атлантики по существу было бегством людей родового общества от государства. Как пишет видный деятель рабочего движения, марксист, председатель Социалистической единой партии Исландии Эйнар Ольгейрссон, «многие из переселившихся в то время в Исландию — вожди, земледельцы и работники — бежали от власти господствующего класса, который разрушил родовое устройство общества, существовавшее в Норвегии еще в IX в., и заменил его грабительским государством»⁵.

Вольные общинники-земледельцы, не желая выполнять феодальные повинности, вводимые первым общенорвежским королем Харальдом Прекрасноволосым, покидали родину. Они заселяли известные к тому времени или открываемые ими архипелаги и отдельные острова. Здесь колонисты столкнулись с кельтскими монахами-отшельниками, перебили их или обратили в патриархальных рабов. И хотя первые столетия норманнские переселенцы сохраняли на островах традиционный уклад так называемого «народовластия» с общенародными вечеми — местными

² Г. Фиш, Здравствуй, Дания! Отшельник Атлантики, М., 1963, стр. 288.

³ М. И. Стеблин-Каменский, Культура Исландии, Л., 1967, стр. 8.

⁴ «Правда», 14 февраля 1969 г., стр. 5.

⁵ Эйнар Ольгейрссон, Из прошлого исландского народа, М., 1957, стр. 81.

тингами (в Исландии — альтингом), все же политическое влияние их бывлой родины было велико.

Наиболее независимыми стали исландцы, так как их страна была крупнейшей островной колонией древненорвежских переселенцев. Кроме того, если во всех других норманнских островных колониях природа крайне ограничила земли, пригодные для возделывания земледельческих культур или выпаса скота, то в Исландии возможности для разведения скота, а следовательно и для увеличения благосостояния земледельцев, были несколько большими.

Складывавшаяся, как и повсеместно в островных колониях норманнов, хуторская система натуральных хозяйств повсюду способствовала консервации быта и традиций. Каждый хутор был отдельным миром, а значительная часть фольклора его обитателей — собственная родословная, начиная от заселения этой земли. Родословная передавалась от отца к сыну, а в повседневном обиходе между хуторянами единственного имени было достаточно. При контактах с другими хуторянами человеку достаточно было сказать, кроме того, чей он сын.

Межхуторские контакты на каждом из отдельных островов или на каждом из архипелагов имели помимо обыденной, хозяйственно-бытовой формы также и официальную, в виде тингов. Но и там имени человека и имени его отца было достаточно для представления о том, о ком идет речь.

Но не в хуторской системе кроется главная причина нынешней бесфамильности исландского общества. При всем внешне одинаковом начале истории и хозяйственно-бытового уклада всех островных норманнских поселений уже с момента принятия там христианства исландцы начинают свой, отличный от других норманнских колоний путь.

В отличие от почти всех других народов мира, которым христианство было навязано либо волей единовластных правителей, либо огнем и мечом иноземных завоевателей, у исландцев принятие этой религии произошло совершенно добровольно и мирно.

Эйнар Ольгейрссон так охарактеризовал этот важный шаг: «Исландцам эпохи народовластия приходилось прежде всего бороться со следующими трудностями: междоусобицами, голодом, насилием и несправедливостью некоторых представителей знати, притязаниями иноземной королевской власти... Христианство, закон о котором был принят альтингом в 1000 году, полностью отвечало стремлениям народа и лучших из хавдингов в их борьбе с этими трудностями... Христианство, служившее для норвежского короля одновременно орудием и предложением для угнетения населения страны, в Исландии было лишь новой верой, более пригодной для укрепления мира в стране и способствовавшей развитию культуры...»⁶

Христианство, принятое сознательно и добровольно, вошло в быт исландцев с удобными им оговорками, например, с разрешением употреблять в еду, как и прежде, конину. Более того, на первых порах, в течение еще многих десятилетий, оно не было обязательным в частной жизни, где нередко бытовали дохристианские культы. Но самое главное состояло в том, что христианство у исландцев, не в пример другим норманнским колониям, способствовало небывалому распространению грамотности, едва ли не поголовной. Как это произошло, никем еще детально не изучено, но скорее всего можно нарисовать такую картину. Уровень благосостояния исландских семей был довольно высок, а детей в этих семьях бывало много. Некоторые из сыновей не становились земледельцами, а получали религиозное образование в других католических странах Европы. Возвращаясь на родину священниками или учеными монахами, они попадали здесь в экономическую зависимость от

⁶ Эйнар Ольгейрссон, Указ. раб., стр. 179 и 184.

наиболее зажиточных земледельцев, так как те были строителями и хозяевами первых церквей. Постройка церквей была личной инициативой земледельцев, и римская католическая церковь поощряла ее. Поэтому не случайно, что из числа именно таких строителей и хозяев церквей, а не из рядовых священников, вышли первые епископы Исландии.

Владельцы церквей создавали церковные школы во главе со священниками для обучения грамоте на родном языке членов семьи земледельца и семей всего церковного прихода. Удивительно, но это факт, что латынь, на которой обучались в Европе исландцы, не стала господствующим языком даже церковной документации и хроник. В то же время латинский шрифт, правда в его англо-саксонской трансформации, был взят за основу при создании исландской письменности на основе древне-норвежского языка.

В такой обстановке, когда еще были свежи в памяти все детали заселения острова и главы каждого из приходов заботились о том, чтобы не были забыты их предки-первопоселенцы и вся генеалогия рода, возникли и стали передаваться из поколения в поколение родовые предания. Неизвестно, были ли они записаны в XI в. Во всяком случае эти записи не сохранились. Но уже в XII—XIII вв. устные родовые предания и предания о прародине исландцев — Норвегии и Скандинавии в целом — были записаны на чистом древненорвежском языке, который в ту пору и вплоть до XIV в. был родным как для Норвегии, так и для всех норманнских островных колоний. Эти записи положили начало исландской литературе, исландской письменной истории и исландской письменной генеалогии. А так как одним из основных элементов саг были сведения по генеалогии, эта литература на последующие столетия консервировала традицию учета преемственности родства по двучленной системе — имени и отчеству.

Интересно отметить, и в то же время это очень важно, что собственная древняя литература, письменная история и письменная генеалогия фиксировались из всех норманнских островных колоний только в Исландии. Когда говорят или пишут «Гренландская сага» или «Фарерская сага», не думайте, что подобно исландским сагам, они записаны норманнами Гренландии и Фарер. Нет «Гренландской саги» или «Фарерской саги» как продукта местного творчества гренландских норманнов или фарерцев, а есть части исландских родовых саг, описывающие события у гренландских норманнов или фарерцев на основе, по-видимому, каких-то устных преданий, а может быть, каких-то других первичных исландских же письменных набросков и записанные исландцами в самой Исландии.

Исландия со второй половины XIII в. была политически подчинена Норвегии, а с конца XIV в. — Дании. Как и на других островах, населенных норманнами и принадлежавших в средневековье Дании, здесь с XVI в., после Реформации, чиновники и купцы были большей частью датского происхождения. В XVII—XVIII вв. датский язык стал языком лютеранской церкви, а затем и административным языком. И все же, невзирая на все это, иноземное культурное влияние, в том числе датское, было довольно слабым.

Культуру Исландии и представления исландцев об их истории продолжали питать родовые саги, которые имелись в рукописных библиотечках в каждом хуторском хозяйстве и чтение которых составляет содержание части досуга исландской семьи вплоть до наших дней.

Если добавить, что во второй половине XVIII в. это культурное воздействие древних саг вызвало движение за очищение исландского языка от иноземных слов, прежде всего от датской лексики, и что это движение пуристов победило, приводя к изоляции исландского языка от скандинавских, к консервации старых языковых форм и идеализации исландских саг как образца литературы; если учесть еще, что для по-

стоянного поддержания пуристских идей воспевались осященные в сагах древние традиции и освежались в памяти генеалогии, то станет понятным, почему старина во всех ее проявлениях, вплоть до системы личных имен в родовых генеалогиях, превратилась не только в объект подражания, но и в устойчивую традицию.

Исландское общество в течение всей истории было преимущественно крестьянским, однако в нем наблюдалась экономическая дифференциация. В новое время основными социальными группами этого общества стали земледельцы, рыбаки и мелкая буржуазия. Понятно, что в новое и новейшее время в связи с появлением рабочего класса и возникновением в Исландии рыбацких поселков, а затем и городов традиция старой формы личного имени, состоящего из имени и отчества, могла бы, как и в других обществах, нарушиться.

Тогда на помощь традиции пришел закон, который должен был закрепить двучленную систему исландских личных имен — имя и отчество. Ибо носители исландской традиции, прежде всего основная масса народа — крестьянство, не хотели принимать такую иноземную «новинку» как фамилии. 10 ноября 1913 г. был издан закон № 41, пресекавший возможности принятия исландцами фамилий. В соответствии с § 9 этого закона фамилию могли носить иностранцы, которые иммигрировали в Исландию, а также те из исландцев, их жен и потомков, которые почему-либо уже получили фамилию до начала нашего столетия (вероятнее всего под воздействием иностранных образцов). Выдающийся исландский писатель Халлдоур Кильян Лахснесс — как раз один из немногих обладателей фамилии.

27 июня 1925 г. был принят новый исландский закон, № 54, действующий и поныне, который, подтверждая положения и ограничения закона № 41, жестко установил следующее:

«§ 1. Каждый человек должен называться каким-либо исландским именем, либо двумя именами, и знать отца, мать или приемного отца, и всегда писать имя и отчество в одном и том же виде в течение всей своей жизни.

§ 2. Никто не должен брать себе фамилию в нашей стране»⁷.

Таким образом бесфамильность исландского общества, опирающаяся на тысячелетнюю традицию, была в последнем полустолетии закреплена, кроме того, законом. Беспрецедентный, единственный на земле случай! Современное государство стремится централизовать учет, установить обязательность фамилий, облегчающих учет населения. А тут закон о запрещении брать фамилию!

В исландском обществе давно сложилось и поныне существует мнение, что человек, почему-либо берущий фамилию, — выскочка, желающий как-то выделиться среди своих соотечественников и тем самым возвыситься над ними. Традиция бесфамильности как бы подчеркивает принадлежность всех исландцев к одной большой семье — всему исландскому народу — и напоминает о его истоках в далеком родовом обществе.

Но достаточно ли в действительности этой двучленной системы личных имен в наше время, например в городах, особенно в исландской столице Рейкьявике? Ведь численность населения в ней составляет сейчас 80 818 человек, или 40% населения всего острова.

Оказывается, нет. В упомянутой писателем Геннадием Фишем телефонной книге значатся имя и отчество абонентов. Из фразы писателя: «Но чьим сыном был отец Магнуса, тогда мне было еще неизвестно, ...а Йоунов в книге числилось немало» — можно логически предположить, что там же, в книге, а отсюда и вообще в современном быту ис-

⁷ Hermann Pálsson, Iselenzk mannanöfn, «Heimskringla», Reykjavik, 1960, s. 11.

ландцев при совпадении имени и отчества у двух и большего числа человек употребляется еще дедчество, т. е. и имя деда. Скажем, Магнус Йоунссон Гвюдмюндссон, или применительно к русской антропонимии — Иван, сын Петра, сына Николая.

Однако, как подтвердил автору этой статьи и сам писатель, этого нет — дедчество неупотребительно, а цитированный выше отрывок — стилистический недосмотр Геннадия Фиша.

И все же третий член личного имени у исландцев-горожан бывает. В телефонной книге его роль выполняет... домашний адрес и профессия: К примеру:

Магнус Йоунссон, рыбак,

Магнус Йоунссон, ученый.

А те редкие фамилии, которые носят отдельные исландцы и их семьи, как правило, обозначают место происхождения. По функции это обозначение вполне играет роль фамилии. Например, Карли Гриссон фрау Наттфаравик — Карли, сын Гриса, из Наттфаравика, т. е. из бухты Наттфари. Или: Вивиль Гейрмюндсон ур Вёр — Вивиль, сын Гейрмюнда, из Вёра — (в исландском языке «фрау» и «ур» означают предлог «из»). Или же наш современник, названный в упомянутом выше очерке В. П. Беркова, — Бенедикт Гисласон фрау Хофтейи, что по-русски, скажем, было бы равнозначно по этой схеме личного имени Владимиру Ивановичу из Троицкой.

Но все же фамилий или их временных заменителей, как ни неудобно без них в городах, у исландцев мало, и исландский народ в общем-то бесфамильный...

Исландский народ как этническая единица существует немногим более тысячи лет и в отличие от всех других народов мира знает и помнит свою историю практически с самого начала. Его письменность появилась вскоре после возникновения самого народа, а фольклор обрел письменную форму тогда, когда время еще не трансформировало до сказочных искажений недавнюю быль. И по сей день исландская литература раннего средневековья остается образцом для современных исландцев, и именно на нее равняются писатели, а двучленная система личных имен прошлого решительно воздействует на сохранение только имени и отчества, без фамилий.
